Словно услышав какую-то невероятную шутку, Цзи Ван не испытывал никакого сочувствия к человеку, который запер его и заставил забеременеть.

Его сердце давно остыло и умерло. Теперь дед и внук из семьи Шэнь снова вернули его и заперли, и лицемерно заботились о нём из-за ребёнка. Если он родит этого ребёнка, то в будущем, вероятно, к нему снова будут относиться свысока. Он был не более чем инструментом для продолжения рода семьи Шэнь.

В глазах семьи Шэнь, без их защиты, он давно был бы отправлен на другую планету, или даже умер бы в каком-то неизвестном углу.

На самом деле, за последние четыре года он смог выжить снаружи и без защиты семьи Шэнь.

Цзи Ван и старый генерал Шэнь не находили общего языка. Его аппетит ухудшался с каждым днём. Если бы не необходимость в питании для ребёнка, он бы не стал себя заставлять проглотить эту еду.

Старый генерал, видя, что он отказывается общаться, и что даже за несколько лет не смог согреть этот камень, тоже был холоден.

После завтрака Цзи Ван вернулся в свою комнату. Старый генерал не ограничивал его передвижений. Он когда-то мечтал сбежать из этого места, но теперь у него не было сил даже для побега.

Цзи Ван принял решение. Он собирался поговорить с Шэнь Цзуном, когда тот вернётся, и раскрыть карты. Главная причина, по которой Шэнь Цзун не отпускал его, заключалась в его одержимости.

Он не дождался Шэнь Цзуна. Вместо него пришёл Тун Цинхэ. У Цзи Вана было мало друзей, и никто не хотел терпеть его холодность.

Цзи Ван всегда знал, что его характер не располагает к себе. К этому Омеге, который был намного моложе его и был искренним, Цзи Ван относился как к единственному другу, которому мог довериться.

Альфа Тун Цинхэ периодически уходил на миссии, часто пропадая без вести. Сначала мальчик не мог к этому привыкнуть и тревожился, но постепенно научился отпускать ситуацию.

Цзян Шаочжи не было дома, а старый генерал Шэнь поручил ему присматривать за Цзи Ваном. Тон Цинхэ с радостью прибежал в старый особняк семьи Шэнь. Охранники уже знали его и их строгие лица немного смягчались при его виде.

Тун Цинхэ передал фрукты охранникам, а затем, словно снаряд, влетел в гостиную. Старый

генерал заваривал чай в чайной комнате. Поприветствовав его, он поднялся наверх и постучал в дверь Цзи Вана.

Цзи Ван как раз страдал от беспокойства ребёнка в животе, и его брови были нахмурены.

Тун Цинхэ, увидев, что на холодном лице Цзи Вана написано недовольство, подбежал и осторожно погладил его. Как ни странно, беспокойный ребёнок тут же затих.

Из-за особенностей телосложения, чем больше становился живот, тем тоньше казалась кожа Цзи Вана. Иногда, когда ребёнок двигался, его большой живот выглядел пугающе, и Тун Цинхэ часто был ошеломлён, не осмеливаясь даже прикоснуться, боясь навредить Цзи Вану или причинить ему боль.

Тун Цинхэ взял шёлковое полотенце и вытер пот с лица Цзи Вана, затем присел на пол и тихонько уговаривал малыша, желая, чтобы он не доставлял Цзи Вану столько страданий.

В такие моменты Цзи Ван не мог сдержать улыбки, считая, что Тун Цинхэ лучше подходит на роль отца ребёнка. Независимо от того, как сильно ребёнок шалил, он всегда сдерживался и никогда не баюкал малыша так нежно, как Тун Цинхэ. Ему не хватало многих нормальных человеческих эмоций. Иногда он хотел измениться, но, глядя в зеркало, видел незнакомца, от которого хотел отвернуться.

Цзи Ван спросил:

— Тебе нравятся дети?

Тун Цинхэ почесал взъерошенные волосы, кивнул и тут же покачал головой, растерянно:

— Не знаю… Но если бы у меня был, я бы обязательно хорошо относилмя к нему.

Цзи Ван согласился. Зная добрый характер Тун Цинхэ, он даже втайне надеялся, что когда родится ребёнок, Тун Цинхэ будет чаще навещать его, будет наставлять, чтобы он не был ассимилирован воспитанием семьи Шэнь.

Он уже был морально готов к тому, что попытка забрать ребёнка у семьи Шэнь будет сродни комару, сотрясающему дерево. Он не мог оставить ребёнка при себе и воспитывать его лично. Если он полностью отдаст его семье Шэнь, он боялся, что ребёнок вырастет с таким же характером, как у Шэнь Цзуна.

Избранный небесами звучало, как прекрасный титул, но Цзи Ван не хотел, чтобы его ребёнок вырос человеком, не умеющим уважать других.

— Ты виделся со старым генералом?

Тун Цинхэ честно кивнул. Он немного колебался. Глядя на худое, измождённое лицо Цзи Вана, он сказал:

— Старый генерал на самом деле беспокоится о тебе. Он несколько раз просил меня прийти, чтобы составить тебе компанию, поговорить, чтобы тебе не было скучно, и сказал, что боится, что ты заболеешь, если будешь долго сидеть один.

Цзи Ван молчал. Тун Цинхэ пояснил:

— Я не пытаюсь их оправдать, просто… просто…

Он не мог объяснить. Тун Цинхэ и его близкие друзья были людьми с простыми и чистыми сердцами. Он всегда чувствовал искренность других своим сердцем. Он не мог определить, хороший человек или плохой, потому что человеческое сердце сложно, но он мог понять, искренен ли человек с ним. Если он чувствовал, что кто-то его не любит, Тун Цинхэ сам отдалялся.

Тун Цинхэ чувствовал, что старый генерал не испытывает злобы к Цзи Вану, но, судя по тому, что Цзи Ван рассказал ему, и по его общению со старым генералом за последние полгода, их отношения всегда были на точке замерзания.

Цзи Ван увидел, что Тун Цинхэ не решается говорить, и улыбнулся:

— Не волнуйся обо мне. У меня есть своё мнение о делах семьи Шэнь. Но, Сяо Хэ, если можно, я хотел бы попросить тебя об одной вещи. Если я не буду рядом с ребёнком, сможешь ли ты, если у тебя будет время, навещать его?

— У меня нет уверенности, что я смогу воспитать хорошего ребёнка. Я боюсь, что он вырастет таким же холодным и бессердечным, как я. Но даже если это так, я не хочу, чтобы ребёнок был знаком только с воспитанием семьи Шэнь. Я боюсь, что он станет следующим Шэнь Цзуном.

Тун Цинхэ посмотрел на бледное лицо Цзи Вана. Его губы дрогнули, но он долго не мог ничего сказать. Ему было немного не по себе. Он взял руку Цзи Вана в свою и, тщательно подумав, сказал:

— Цзи Ван, мне кажется, что ты… слишком пессимистичен. Ты всегда не веришь в себя и не веришь другим.

— На самом деле это не так, — Тун Цинхэ говорил сбивчиво, его глаза покраснели. Утешающие слова застряли в горле. Он не мог найти красивых слов, чтобы передать их Цзи Вану.

Возможно, раньше жизнь Цзи Вана была более яркой, но невозможность помочь в смерти родителей стала последней каплей, сломившей его. Последние рябь эмоций полностью исчезли, и у него не осталось сил.

Выслушав его, Цзи Ван улыбнулся:

— Возможно.

Тун Цинхэ спросил:

— Что ты планируешь делать после рождения ребёнка? Ты не будешь обращать на него внимания?

Цзи Ван честно ответил:

— Продолжать расследование дела родителей. — Он похлопал Тун Цинхэ по руке. — То, что мои чувства к ребёнку сейчас слабы, это хорошо. После того, как я выслушал совещание в исследовательском институте, и учёл предупреждение Шэнь Цзуна, я понял, что правда не принесёт мне ничего хорошего. Мне лучше быть одному, без привязанностей. Если случится что-то плохое, это будет только моя жизнь. Втягивать невинного ребёнка — вот что действительно не даст мне покоя.

Поэтому Цзи Ван решил уйти после рождения ребёнка. Он не был бессердечным и хладнокровным монстром для всех. Кроме Тун Цинхэ, самым близким человеком для него теперь был этот невиданный малыш.

Тун Цинхэ постоянно качал головой. Цзи Ван продолжал легко улыбаться:

— Защиты, которую дала мне семья Шэнь, достаточно. Они держали меня взаперти несколько лет. Я не дурак. Я вижу их скрытую защиту. Но как долго они смогут меня защищать? Однажды я должен буду выяснить всю правду. В это вовлечено много людей. Семья Шэнь ценит свою репутацию. Старый господин Шэнь не постеснялся ударить своего внука из-за этого дела. Чего мне ещё ждать от Шэнь Цзуна?

Как давно Цзи Ван не изливал свою душу кому-то? Что бы он ни сказал, Тун Цинхэ его понимал. Но нельзя сравнивать чужие сердца со своим. Другие не обязаны ему ничем, и он не требовал, чтобы они обязательно встали на его сторону и поняли его.

— Шэнь Цзун мне не обязан. Даже если то, что он делал все эти годы, вызывает у меня отвращение, я возвращаю ему ребёнка. Семь лет взаимного долга, считай, что мы квиты.

Тун Цинхэ ушёл из дома Шэнь с красными глазами. Цзи Ван проводил его до машины. Он несколько раз вздохнул, и, подумав, что на свете есть человек, который плачет из-за него, он

изогнул уголок рта. Его сердце наполнилось теплом, приятным и горьковатым.

Старый генерал переместился. Он стоял в гостиной, смотря ночные новости Федерации. Увидев, как Цзи Ван входит, его веки дёрнулись.

— Сяо Хэ смирный. Если тебе плохо, зачем ты довёл его до слёз? — Слова упрёка не соответствовали обычному тону старого генерала. Старик изо всех сил старался сдерживать свой авторитет. Он с тревогой смотрел на огромный живот Цзи Вана. Он думал, что все питательные вещества поглощаются ребёнком, и Цзи Ван сам невероятно похудел.

Цзи Ван сказал:

— Я буду осторожен. Я его не ругал.

Старый генерал недовольно хмыкнул. Увидев, что Цзи Ван собирается подняться наверх, он сказал:

— Шэнь Цзун вернётся завтра.

Врач сказал, что срок родов Цзи Вана наступит в ближайшие несколько дней. Старый генерал вмешался и попросил Шэнь Цзуна вернуться, чтобы быть рядом с ним. Даже если он не мог быть рядом всё время, он должен быть рядом с Цзи Ваном во время родов.

Цзи Ван был Омегой с сильной волей и терпением. Он тяжело вынашивал ребёнка такое долгое время, но Альфа почти не навещал его. Партнёры других потомков семьи Шэнь плакали бы, если бы их партнёр не был рядом даже один день во время беременности. Старый генерал никогда не видел такого стойкого Цзи Вана.

Цзи Ван кивнул и тихо хмыкнул.

Ночью у него снова начались схватки. Это был признак приближающихся родов. Цзи Ван с трудом поднял руку, чтобы включить свет. У него уже был свой способ справляться с такой ситуацией.

За дверью дежурила горничная, готовая в любой момент прийти ему на помощь. Цзи Ван не хотел их беспокоить и справлялся сам. Он попытался нежно погладить свой живот, почувствовав новую жизнь, бьющуюся внутри него.

Внезапно дверь спальни распахнулась. Шэнь Цзун, который должен был вернуться только завтра, вошёл в комнату. Он даже не успел сменить свой камуфляж. Волосы были влажными от пота, который всё ещё капал. Вероятно, он прибежал. От него исходил жар, а левая голень была перевязана бинтом.

http://bllate.org/book/4/146